

УДК 81'25:82–13(=512/154) (575.2)(04)

ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: НАБЛЮДЕНИЯ НАД ПРОБЛЕМОЙ ДИСТАНЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСА “МАНАС”

А.К. Исаева

Анализируются русские переводы и литературные обработки эпоса “Манас” в XX – первых десятилетиях XXI вв. с позиций художественной точности перевода.

Ключевые слова: адекватность; перевод эпического памятника; интерпретация; переложение; общественно-функциональный подход; эквивалентность.

Переводческая деятельность, как известно, есть неизбежная коммуникативная составляющая общечеловеческого существования. От того, какая стратегия будет разработана по отношению к ней – направленная на развитие коммуникации или на изоляцию, будет зависеть в конечном итоге культурное, социальное, политическое, экономическое развитие общества и государства [1, с. 115].

На сегодняшний день в области художественного перевода мы имеем дело с тем наследством, которое нам осталось от XX в., который называли (и, вполне возможно, это соответствовало действительности) “веком перевода” [2, с. 257], когда “многонациональная советская литература” не могла функционировать без художественного перевода. На особенность роли и функции переводчика этого периода с достаточной точностью указывает В.Г. Пантелеева: “Переводчик произведений национальных авторов на русский язык чаще всего не владел языком оригинала, а работал с подстрочниками. Такое положение негласно было узаконено в профессиональной среде... При таком общественно-функциональном подходе многие вопросы теории перевода (“переводимость-непереводимость”, “адекватность-неадекватность”) становились вторичными, несущественными, а переводные тексты – приукрашенными, литературно отшлифованными, в целом – “скроеными” по единым советским лекалам” [3, с. 138].

К настоящему времени научная и художественная ситуация вокруг переводов трилогии “Манас” сложилась, примерно, таким образом.

Имеются *научные фольклористические переводы* (серия “Эпос народов СССР”) [4]. Естественно, первенствуют в читательском созна-

нии переводы *художественные – прозаические и поэтические*. Последние представлены каноническим текстом “Манаса” в исполнении Л. Пеньковского, С. Липкина и М. Тарловского [5 (5 А и 5 Б)] [30 – 50-е гг.], В. Солоухина (по издательским документам полный перевод, но рукопись считается утраченной) и В. Шаповалова (фрагмент из “Семетя”, 90-е г.) [6, с. 10–18]. Прозаический перевод выполнен М. Рудовым [7]; ему предшествовало давнее начинание – прозаический перевод З. Бектенова и К. Нанаева. Наконец, есть *переложения*, это повесть С. Липкина “Манас Великодушный” [8] и поэтическое переложение содержания эпоса М. Байджиевым (“Сказание о Манасе” [9]). Все они являются примером *косвенного, или опосредованного перевода*. Надо сказать, что это обстоятельство (да еще многовариантность эпического текста) несколько смазало границу между переводами и переложениями, за исключением переложения, выполненного известным манасоведом, народным писателем Кыргызстана М. Байджиевым. Целью данной статьи является выявление дистанции между *собственно переводом* (пусть и *опосредованным*) и *интерпретацией текста памятника в виде его переложения*.

Нынешнее состояние проблемы и обстоятельства, приведшем к нему, подробно рассматривались в исследованиях В.И. Шаповалова – уже не как переводчика, а как литературоведа-компаративиста [10], что обуславливает особый интерес к такой, поданной под двойным углом зрения, позиции. Сегодня социографический облик перевода кыргызского эпоса рассматривается уже в более широком контексте [11] как культурно-языковом, так и геополитическом.

В качестве же объекта сопоставления обратимся к вариантам, выполненным С. Липкиным, В. Шаповаловым и М. Байджиевым. Сопоставление такого плана представляет сложность по той причине, что они опираются на разные варианты оригинального текста. Так, Липкин работал с “поливановским подстрочником” (об основании так считает утверждает М. Рудов); В. Шаповалов работал со сводным вариантом С. Орозбакова и С. Каралаева, составленном к 1982 г. (по его собственному высказыванию); М. Байджиев (в его переложении не указывается оригинальный вариант), по всей видимости, опирался на сокращенный вариант (не самая лучшая адаптация), выполненный Б. Жакиевым [12], что было выявлено путем сравнения двух текстов, последовательности изложения и расположения глав. Следовательно, *дистанция между переводом и интерпретацией изначально становится значимой*.

С. Липкин в поэтическом переводе максимально сохраняет структуру эпоса, сочетая поэтические ряды с прозаическим пересказом, что является характерной чертой бытования “Манаса”. Автор строго следует при передаче образа главного героя, характеризуя его “львом”, “великолепным”, “грозным”, “грозоликим”. Как известно, в эпосе у Манаса несколько закрепленных эпитетов, характеризующих его богатырские качества. Так обрисовывает образ Манаса С. Липкин:

Стоял он, огромный, как утес,
Длинноголов, широколоб,
Ширококул и горбонос,
Грудь – большого холма откос,
Как крутогорья – плечи его,
Как равнина – спина широка,
Львиным был его грозный взгляд,
Львиным его затылок был,
Ярость львиная – в хватке его.
Величав, как индийский слон,
Как слон индийский, он был силен...

[5Б, с. 103]

С. Липкин следует главному принципу – сохранять содержательное и стилистическое своеобразие эпоса. Автор следует тому же строгому соответствию тексту, называя Манаса “львом”, “великим”, “великодушным”. В тексте переложения Манас характеризуется следующим образом: *“Если Манас умрет ... иссякнет сила киргизов, разбредутся племена, брат пойдет на брата, начнутся междоусобицы ... а народ киргизов, эта горсточка на ладони земли, станет дичью ханских охот”* [8, с. 144].

Прежде всего, о стихотворной поэтике. Перевод выполнен четырехстопным ямбом, при-

сущим русскому литературному стихосложению и ни в коей мере не характерном для синтаксического параллелизма тонико-логаэических конструкций кыргызского эпического стиха.¹ Байджиевский вариант “Сказания о Манасе” повторяет единственный просчет Е.Д. Поливанова, считавшего, что “Манас” можно переводить ямбом длиной 8 – 9 слогов; правда, тогда, в начале 30-х гг., еще не было основополагающих работ В.М. Жирмунского, И.В. Стеблевой, З.А. Ахметова и других стиховедов-тюркологов, которые с 60-х гг. доказательно отрицали неуместность силлабо-тонической (особенно ямбической) стилистики в переводе тюркских эпосов.

Отличительным качеством жанрово-стилистической нормы переложения М. Байджиева стало обращение к современным реалиям и современному разговорному языку, широкому использованию просторечия, сниженной лексики: *“Куттили, тили допьяна / ...Плясали лихо у костра”*; *“Днем бешибармак, айран, кумыс, / А ночью тепленькая кыз”*; *“Какая скука! Твою мать!”* [9, с. 61, 109, 130, 132]. Переложение использует подобные выражения в избыточном количестве, отнюдь не мотивированным художественными задачами.

На наш взгляд, такое противоречие со стилистической аурой эпического памятника возникло по той причине, что автор не учитывал разницу полифоничной по своей природе литературной нормы русского языка и фольклорной, устно-поэтической нормой эпоса. Используя преимущественно сниженную лексику, автор тем самым обедняет и искажает историческую перспективу “Манаса”.

М. Байджиев отходит от непреложного закона перевода – сохранить и передать основные смысловые и стилистические особенности оригинала, но и более того, нарушая и эквивалентность, и адекватность перевода, внося прибавочную информацию, искажает сакральность древнего эпоса. Образ Манаса снижается до уровня шутовского, плутовского героя, в трагическую

¹ В свое время характеристика тюркского эпического стиха была предметом длительных научных полемик в советском литературоведении. Этой значительной проблеме посвящены два больших труда проф. В.И. Шаповалова [13], которые, как представляются, продолжая труды В.М. Жирмунского, И.В. Стеблевой, З. Ахметова, М.К. Хамраева, Г. Хусайнова и др., как бы закрывают проблему типологической характеристики кыргызского народного стихосложения и рекомендации переводчикам по созданию аналогичных конструкций в русском языке.

ткань героического эпоса вторгается совершенно чуждая ему карнавальность.

Образ Каныкей в эпосе занимает, как известно, не менее важное место. Сравним трактовку этого образа. С. Липкин выстраивает единую концепцию образа спутницы Манаса и в переводе, и в повести – это верная, мудрая соратница, спутница, друг и советчик, больше, чем просто жена. Но, кроме того, он раскрывает ее образ, используя характерные для эпоса формульные фразы:

Каныкей, твоя жена,
Взяла на себя твой дом,
Развязанное – связав,
Разбросанное – собрав,
Женскую голову свою
В голову мужа превратив...

[5Б, с. 186]

Формульность идеи объединения в другом переводе приобретает те же, что и у Липкина, черты торжественности и силы; речь идет о переводе В. Шаповаловым начальных эпизодов эпоса “Семетей”:

Кого хоть раз обделил Манас?
Нами потерянное он отыскал,
Нами рассеянное он собрал,
В угасших сердцах огонь зажег,
Сломленным душам ожить помог,

И когда посланцы предлагают Каныкей замужество, она гневно отвергает это оскорбительное торгашеское предложение – и как бы предрекает этим отказом дальнейшую свою трагическую судьбу, полную гонений и невзгод:

“Услышала эти слова Каныкей, / Глаза открыла вдова Каныкей, / На ноги поднялась она, / Слезами залилась она: / “И сорока дней не прошло, / Как умер мой падишах, / От сокола ведущий свой род, / Умер мой падишах. / Постель мне раскрыть свою / От вороны ведущим свой род?! / Постель мою растоптать, / Вдовью честь мою запятнать / Стервятникам и слепцам, / От гусака ведущим свой род?! / Вот как меняется жизнь, / Таковы будут ночи мои? / Зачем, мой властитель, во тьму / Уставлены очи твои!.. / Глава сорока чоро, / Старый дурак Кыргыз, / Не стыдно посредником быть, / Не горько советником быть, / Меня как козленка тащить / На козлодранье их! / Напрасны старанья их. / Глава сорока чоро – / Кыргыз, не в твоей я руке, / Пусть грамота тебя проклянет, / Что скрыта в твоём кушаке, / Будь клятвою проклят ты, / Что Манасу когда-то дал!” – / В ярости Каныкей / Выхватила кинжал...” [6: с. 1 – 18, 13 – 4].

И в повести “Манас Великодушный”, “превратив свою женскую голову в голову мужчины,

она заставляла народ забывать об отсутствии Манаса, ибо умела связывать развязанное и собирала разбросанное” [8, с. 187].

Таким образом, в интерпретациях и С. Липкина (“Манас”), и В. Шаповалова (“Семетей”) образ Каныкей вырастает до высокого гуманистического идеала женщины.

Не избежал М. Байджиев и издержек культурной идентификации образа Каныкей, которая рядом исследователей идентифицировалась как таджичка. Это лишенное аргументации утверждение кочует из издания в издание (об этом убедительно и красноречиво рассказал проф. О. Ибраимов в серии “Академических вечеров”, публикуемых в Интернет-издании “АкиПресс”). Ни в оригинале, ни в интерпретациях С. Липкина нет никакого упоминания об этнической принадлежности Каныкей. М. Байджиев нарушает культурную дистанцию и намеренно упускает из виду тот факт, что время и пространство, описываемые в эпосе, имеют совершенно иные закономерные характеристики, отнюдь не обязательно должны соответствовать современным географическим, историческим, этнокультурным и прочим реалиям. Время и пространство в эпосе достаточно условны, существуя по собственным эпическим законам, по законам мифа, наконец, по законам творческой фантазии – и в соответствии с мирозерцанием эпической эпохи.

Таким образом, в отношении к образам Каныкей (и, отчасти, Манаса), Байджиев грубо нарушает как закон соотношения культурного времени оригинала и перевода, так и все представления о переводческой адекватности и жанрово-стилистические традиции, и нормы поэтического перевода.

И даже в тех случаях, когда интерпретатор эпического содержания и исследователь (а М. Байджиев бывал и таковым, и весьма успешно) имеет право на оригинальные трактовки образов и коллизий, Байджиев-переводчик этого доказать не в силах.

Так, важное место в сюжете эпоса занимает образ Алмамбета. С. Липкин дает ему эпитеты – “несравненный”, “златокосый”, “величавый”, “исполин”. В “Манасе Великодушном” об Алмамбете говорится: “Кто узнает, что пережил этот исполин, какие терзания разрывали на части эту великую душу, которая была шире вселенной!” [8, с. 144] С. Липкин, в соответствии с содержанием источника, преподносит Алмамбета как верного соратника Манаса, преданного ему до конца; трагический исход его жизни, героическая смерть рядом с другими “кырк чоро”, сорока дружинниками, явля-

ется тому доказательством. Прямо противоположная оценка мотивам поведения Алмамбета дается в переложении М. Байджиева: *“По женской доброты своей / Не догадалась Канькей, / Что хитроумный Алмамбет, / Задумал Конурбаю мечь, / Повел кыргызские войска / На родину свою Китай, / А там, чтоб силой возродить / Свою поруганную честь. / В душе лелеял он мечту: / Вернуть владения свои / И, как жену, к груди прижать / Дочь Эсенхана Бурулчу”* [8, с. 223–224].

Автор низводит трагичную, неоднозначную фигуру Алмамбета до уровня обычного предателя, тем самым лишая эпос глубочайшей философской неоднозначности, психологизма, исторической амбивалентности, литературной углубленности. Байджиев-аналитик делит героев на положительных и отрицательных, давая им однозначные оценки, но порой точные и меткие, хотя вся суть эпоса в том, что эпическое сознание может свободно оперировать сложными, многозначными образами и в этом, возможно, главное достижение эпоса как искусства слова. Но Байджиев-переводчик низводит эпос до наивного, примитивного сочинения, которое характерно для первобытно-архаической, начальной стадии развития общества и его фольклора у всех народов. Произошла подмена типа текста, отсюда его нивелировка, обеднение и, даже больше, – искажение типа памятника.

Основываясь на приведенных выше примерах, отметим, что С. Липкин сохраняет структуру эпоса – формульные фразы, описание этнореалий – быта, одежды, военного снаряжения, обрядов. Он широко использует художественно-выразительные средства, характерные для эпоса – эпитеты, гиперболы, синтаксический параллелизм. Этим же путем идет и Шаповалов-переводчик как ученик Липкина: *“Встали шестеро неверных в ряд, / Оружие сжимали они, / Белую муку жевали они, / Святую книгу держали они, / Исполнить все обещали они, / Смертнюю карою поклялись, / Мстить безжалостно собрались. / Секиры носящих созвали они, / Пиками разящих созвали они, / В барабаны ударяющих в бою, / Промаха не знающих в бою!..”*.

М. Байджиев выбрал путь к снижению лексикой, приближению ее к современному читателю, не желая отягощать его длинными описаниями, столь характерными для древнего сказания. Он идет по пути максимального сокращения описаний различных реалий, которые являются неотъемлемой частью эпической поэзии вообще и “Манаса”, в частности.

Липкину и Шаповалову удалось сохранить баланс между русификацией и креолизацией.

У М. Байджиева русификация стала отличительной чертой его интерпретации, причем, русификация, идущая от недостаточного владения русским поэтическим языком.

Проведенный краткий сравнительный анализ переводов подводит к вопросу о том, какую стратегию должна выработать переводческая школа на современном этапе. Думается, что, несмотря на имеющиеся сложности в современном переводоведении, мы располагаем глубокой, академической традицией, заложенной русской фольклористической школой, В.В. Радловым, Е.Д. Поливановым, И.В. Стеблевой, З. Ахметовым, продолженную в наши дни известными филологами Ч.Т. Джолдошевой, Р.З. Кыдырбаевой, М.А. Рудовым, В.И. Шаповаловым. Перевод эпической поэзии на новом этапе остро нуждается в академических исследованиях, в детальном микроскопическом изучении эпоса (текстологическом, прежде всего). Необходимо определяться и с тем, какой вариант эпоса переводить – сводный или вариацию определенного сказителя. Требуется и определить место подстрочника, либо отдав предпочтение прямым переводам, либо определяя нормативные требования перед подстрочником. Перевод сегодня нуждается в строгом сохранении всех его норм – жанрово-стилистической, конвенциональной, прагматической, норме переводческой речи. Следование переводческим ценностям всегда помогало сохранить историческую стилизацию и эпический дух устного сказания.

Литература

1. Шаповалов В.И. К проблеме актуализации подготовки профессиональных переводчиков в контексте языковой политики суверенного государства и информационного рынка // Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве. Труды Института мировой культуры. Вып. 2. Бишкек: Лейпциг, 2000.
2. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2000.
3. Пантелеева В.Г. Художественный перевод в финно-угорском мире: история и современность // Вестн. Удмуртского университета: Филол. науки. Ижевск. 2007. № 5 (1).
4. Манас: Кирг. героич. эпос / пер. с кирг. А.С. Мирбадалевой, Н.В. Кидайш-Покровской. М., 1984. (Сер.: Эпосы народов СССР).
5. Манас: Великий поход. Кирг. героич. эпос. М., 1946 / Пер. Л. Пеньковского, С. Липкина, М. Тарловского (5А); Манас: Эпизоды из кирг.

- нар. эпоса / пер. С. Липкина, Л. Пеньковского. М., 1960 (5Б).
6. Кобеш посылает посредников к Каныкей. Эпическая трилогия “Манас”. Поэма “Семетей”: Отрывок // Шаповалов В. Избранное. Т. 2: Горящий можжевельник: переводы. Бишкек, 2003.
  7. Великий кыргызский эпос “Манас” / пер. С. Мусаева, А. Орусбаева, М. Рудова. Бишкек, 1999.
  8. *Липкин С.* Манас Великодушный. Бишкек, 1996.
  9. *Байджиев М.* Сказание о Манасе: Поэтич. переложение первой части трилогии кырг. эпоса “Манас”. Бишкек, 2010.
  10. *Шаповалов В.И.* “Манас” и Россия. Взаимодействие двух культур в процессе поэтического перевода // Шаповалов В.И. Контексты перевода: статьи разных лет. Бишкек, 2004.
  11. *Шаповалов В.И., Сарылова Э.А.* Стратегия эпоса “Манас” и стратегия отечественной культуры // Традиции интернационализма в Кыргызстане – исторические корни и современные перспективы: междунар. научно-практ. конференция. Бишкек: КНУ, 2010.
  12. Манас: Кыргыздардын баатырдык эпосу / Түзгөн пр. Б. Жакиев. Бишкек, 2007.
  13. *Шаповалов В.И.* Соло на два голоса: Киргизская поэзия в русских переводах. 30–50-е гг. Методология. История. Стихотворная поэтика. Фрунзе, 1998. 425 с.; Контексты перевода: статьи разных лет. Бишкек, 2004. 412 с.